

Интервью номера

Слава Владимира СПИВАКОВА бесспорна и во многом уникальна. Она давно перешагнула границы обыкновенной популярности академического музыканта. День его 60-летия – 12 сентября – был похож на национальный праздник. Прямая телетрансляция юбилейного вечера и тысячи желающих лично поздравить маэстро, засвидетельствовав ему свое почтение и восхищение. Спиваков – один из лучших скрипачей, дирижер – создатель двух оркестров – камерных «Виртуозов Москвы» и Национального филармонического оркестра России, президент Московского международного Дома Музыки. Он удостоен, множества самых разных государственных и профессиональных премий, наград и званий. И не только. К примеру, уже десять лет как малая планета под номером 5410 между Марсом и Юпитером называется «Спиваков», а во Франции недавно освоили производство эльзасского шипучего вина, на этикетке которого запечатлен музицирующий на скрипке маэстро. Публика ценит не только его мастерство и талант, но свойства его личности. Он обезоруживающе эрудирован, харизматичен и обаятелен во всех своих амплуа.

Спешите делать

Мария БАБАЛОВА

– Какие ваши первые ощущения, когда юбилейная дата уже чуть позади?

– Ничего не изменилось. Жизнь идет дальше. Я счастлив, что эта гора с плеч сброшена. Я очень устал. Юбилей – это колоссальное напряжение. Но, самое главное, я доволен тем, как прошел концерт. Играть и дирижировать в одном концерте всегда очень сложно. Я это делаю чрезвычайно редко. Да еще учитывая то, что мое личное состояние, так же как и миллионов людей, в психологическом отношении было подорвано событиями в Беслане. Но музыканты собрались и выступили очень достойно. Естественно, программу вечера пришлось изменить. У меня просто не хватило духа начать вечер в ре-мажоре. Я долго думал и принял решение: деньги, которые мы собрали, отдать человеку, которому я очень доверяю. Это детский доктор Леонид Рошаль. У него есть свой фонд, и можно не сомневаться, что помощь найдет тех, кому она действительно необходима.

– А когда вы были ребенком, каким вы представляли себе свое будущее?

– Я хотел быть военно-морским инженером. Мне нравилось море, нравились военная форма и романтика.

– В детстве вы немало времени посвятили живописи. Вы никогда не жалели о том, что выбрали судьбу музыканта, а не художника?

– Последний раз я брался за кисть и стоял у мольберта много десятилетий назад. Мне было лет двадцать. С тех пор – ничего. Времени нет. А рука и глаз должны быть тренированы, так же как и

пальцы у скрипача или пианиста. Но эта моя страсть к живописи до сих пор меня влечет и гложет. И отчасти она реализовалась в коллекционировании. Но сейчас, к сожалению, мое коллекционирование практически закончилось. Цены на картины выросли до астрономических значений, так что нормальному человеку просто невозможно подступиться. У меня же нет собственного золотого прииска. Но я получил массу потрясающих картин в подарок. Мне подарили Тышлера, Шухаева, несколько картин шестидесятников, к которым в последнее время я очень прикипел.

– Вы уже нашли им место?

Я стал ощущать, как время спрессовывается. Хотя мой эмоциональный возраст значительно меньше реального. Как правило, человек замечает, что стареет, не глядя в зеркало, а по людям вокруг

– Нет. Не нашел еще. Они пока стоят на полу. Я сижу дома в их окружении. Напротив меня висят картина Сарьяна и картина Коровина.

– Кто из художников ваши фавориты?

– Фаворитов у меня нет. Мне нравятся определенные эпохи. Я очень счастлив, если удастся вернуть жизнь какому-нибудь произведению искусства. Когда-то во Франции всего за полторы тысячи франков я приобрел холст, который был в следах от тарелок, вилок и ножей. На этом холсте ничего не было видно, кроме одного глаза, на который потрескавшимся образом были положены белила. Когда я от-

давал этот холст на реставрацию, мне сказали, что работа будет стоить в десять раз больше, чем я отдал за эту «гадость». Но уже через день мне позвонил реставратор и сказал, что в этой вещи есть что-то интересное. А когда он закончил реставрировать, захотел у меня купить ее, заплатив во много раз больше. Я отказался. Оказывалось, на этой картине было изображено распятие Иисуса Христа на фоне ночного Иерусалима.

Картины для меня абсолютно живые. И я не из скупости не хочу давать их на выставки, а потому, что вид пустой стены меня внутренне абсолютно разрушает. На гастролях, когда уже нет сил даже

меня. И возобновлением своей скрипичной карьеры я во многом обязан именно ей. Она не только очень красивая, но и умная, что для женщины – редкое сочетание достоинств.

– Для вас принципиально, чтобы кто-нибудь из ваших дочерей стал продолжателем музыкальной династии Спивакова?

– Нет. Я считаю, у родителей нет права бесцеремонно вторгаться в личную жизнь своих детей. Мы не должны душить их своей любовью, лишая их свободы выбора. И дочерей я никогда не принуждал к занятиям музыкой. И хотя старшая дочь великолепно играла на рояле, после победы на конкурсе Radio France она твердо решила оставить фортепианные занятия без всяких упреков с моей стороны. И сегодня она изучает философию в Американском университете Парижа. А средняя дочь прекрасно играет на флейте и рисует пастелью. Пока есть интерес, пусть занимается. Но диктовать дочерям выбор профессии я никогда не стану. Я бы только хотел, чтобы мои дети продолжали дело моего Благотворительного фонда. Ничего нет лучше, чем увидеть счастливую улыбку ребенка, которую ты ему подарил. Мой фонд за десять лет, что существует, помог почти четырём тысячам детей. Когда вы творите добро, то сами начинаете по-другому жить. И легче становится вам самому с собой.

Некоторые из артистов, выступающих на фестивале в Кольмаре, часто жертвуют фонду свой гонорар, поддерживают мое дело. Так поступали многие. В моем Благотворительном фонде есть одно правило. После того, как удастся сделать что-то хорошее, им пишется благодарственное письмо, где

указывается имя ребенка, кому благодаря этим деньгам удалось помочь – справиться с недугом или приобрести хороший инструмент, необходимый юному дарованию. И тогда уже человек понимает, что его деньги не канули в бездну неизвестности, а помогли осуществить конкретное доброе дело. Это очень важно.

– В прошлом году вы предполагали, что ваш фестиваль в маленьком французском городке Кольмар, придуманный вами 16 лет, нынешним летом станет последним...

– Пока фестиваль продолжится. Меня уговорил мэр Кольмара. Во Франции считают, что с рождением этого фестиваля, в Кольмаре произошла культурная революция. Рядом находится большой Страсбург с его европейскими институтами. И теперь весь Страсбург приезжает на концерты в маленький Кольмар. Ныне фестиваль называют одним из ведущих европейских музыкальных фестивалей. Так что следующим летом он состоится точно. Будет посвящен Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Состоится и уже третий фестиваль «Владимир Спиваков приглашает...». В конце следующего года я вновь соберу в Москве многих выдающихся музыкантов – своих друзей со всего мира. Тех, кто в России еще никогда не бывал. Есть ли у фестиваля более дальняя перспектива – загадывать не стану. На каждый фестиваль нужно искать деньги и немалые, а от раза к разу этот процесс становится все труднее и труднее.

– Вы когда-нибудь жалели о том, что отказались от миллиона долларов, который испанцы были готовы вам заплатить за то, чтобы «Виртуозы Москвы» стали «Виртуозы Барселоны»?

— Никогда. Я вообще не жалею о потерянных деньгах. Мне это несвойственно.

— А о чем вы жалеете?

— О том, что отношения со временем меня часто угнетают. Если бы мне хватало двух часов сна в сутки, было бы хорошо. Сон — это поглощение времени. Я стал ощущать, как время спрессовывается. Хотя мой эмоциональный возраст значительно меньше реального. Как правило, человек замечает, что стареет, не глядя в зеркало, а по людям вокруг.

— На что вы больше всего тратите времени в жизни?

— На репетиции. Концерт — это, прежде всего, предъявление результата, на который ты можешь повлиять лишь чуть-чуть. А всегда кажется, что можно было еще лучше сделать. Я обожаю репетировать. Внутри репетиции музыка дает возможность быть с ней в дружеских отношениях. Она будит фантазию, и даже в тех вещах, которые я исполнял уже не один раз. Репетиция — этот интимный момент, когда люди творят и придумывают что-то новое, неожиданное. Ведь во все эти крючочки и точечки на нотном стане вложена вся человеческая страсть; все человеческое видение мира. Музыцирование — это акт, который можно назвать миротворением заново. Музыка — религия, не знающая конфессиональных различий.

Ноты всегда при мне. Иногда килограмм двадцать. Но я всегда их вожу в ручной клади. Я в самолетах никогда не сплю. Мне нравится работать с партитурой высоко над Землей. Я люблю летать и во сне, и наяву.

лет я был вообще «невъездной». Это тяжело, прежде всего, морально. Начинаешь думать, что ты какой-то не такой, если родная страна тебе не доверяет. Но помню, я позвонил тогда в отдел ЦК КПСС человеку, который со мной разговаривал, ничего в тот момент не предвещало отказа, и сказал ему, что, имея в виду, я себя ни в чем виновным не чувствую. Все. Что я тогда еще мог сделать. Система, к сожалению, всегда подавляет человека. Но бороться с ней все равно надо, продолжая идти по своему пути. Во время первой чеченской войны я отказался ехать в Кремль получать орден. В идеале, конечно, искусство должно быть свободной сферой, вдали от политики. Цель искусства — это возможность непосред-

памяти великих дирижеров. Первый сезон мы открывали концертом памяти Евгения Федоровича Светланова, нынешний сезон 8 октября мы начнем концертом в память о Кирилле Петровиче Кондрашине. Двери этого Дома открыты для всех оркестров и всех талантливых людей. На днях я разговаривал с Григорием Соколовым. Считаю, он должен играть в Москве. Он — великий пианист. Это страшная несправедливость, что в России он не выступает. Я был на его концерте в Амстердаме два года назад. Это было настоящее художественное событие. Музыкантов такого масштаба мы должны возвращать домой. И сегодня мы уже работаем над афишей следующего сезона. Мы серьезно ду-

большом кино, взяв на себя всю музыкальную составляющую фильма Владимира Машкова «Папа»?

— По дружбе. Я видел одержимость Машкова, а когда я встречаю в людях созидательную одержимость, я всегда готов им помочь. К тому же интересно попробовать сделать что-то новое.

— А когда у выдающегося музыканта солиста вдруг возникает желание постоянного взаимодействия еще с сотней музыкантов?

— Меня с детства пленила история союза лицейстов. Мне всегда хотелось создать большое и надежное содружество музыкантов-единомышленников, столь же сильное по своему духу. Я считаю, дирижер дол-

ного филармонического оркестра России вам удалось сделать «лицейское братство»?

— Я надеюсь. Когда 15 июня прошлого года состоялось первое собрание оркестра, я сказал, что мы собрались в один коллектив, чтобы любить Музыку и любить друг друга. И, действительно, видно, что оркестр дышит энтузиазмом и любовью. Музыканты ныне готовы репетировать круглосуточно. И уже сейчас у оркестра есть огромный репертуарный багаж. Ныне оба оркестра в прекрасном рабочем настроении.

— Вы не ощущаете ревности со стороны «Виртуозов Москвы»?

— Действительно, и в оркестре все происходит по семейной модели, где всегда существует проблема младших и старших детей. Но в результате со временем все приходит в гармонию. Я это хорошо знаю по собственной семье. Но ревности «Виртуозов» я не чувствую. У меня с ними тоже масса планов. Ведь для них этот год юбилейный — двадцать пятый. Хотя от прежних «Виртуозов» в оркестре осталось лишь шестеро музыкантов. Новые музыканты, в большинстве своем, люди другого поколения. И пусть между нами нет того душевного родства, какое было в «Виртуозах» раньше, я люблю новых не меньше старых. И публика их любит по-прежнему.

— Народная любовь часто приобретает самые причудливые формы. Например, вам нравится видеть бутылку вина, на этикетке которой ваш портрет?

— Нет. Ахматова гениально

заметила: «Молитесь на ночь, чтобы вам вдруг не проснуться знаменитым». Я думаю, она и подобную ситуацию имела в виду. Потому что иногда трудно бывает все это выдержать. Люди в избытке чувств иногда даже не догадываются, что в галошах норвят к тебе в душу залезть. Но ничего не поделаешь. Я научился терпеть.

Но случаются и добродушно-комичные эпизоды. Сейчас на гастролях в Барнауле директор «Виртуозов Москвы» пригласил меня зайти на рынок — купить бруснички. В результате нам не за что не дали заплатить. Глядя мне в глаза, продавцы лишь восклицали: «Живой!». Смушаясь, в ответ я констатировал: «Пока живой». В Москву мы вернулись с чудовищной поклажей из маринованных помидоров и прочих даров.

— А где вы любите бывать чаще всего? Где вас никто не узнает?

— Мне редко удается остаться незамеченным. В Париже я люблю ходить в музей Родена, Музей современного искусства Мармоттан, обладающий крупнейшей в мире коллекцией картин Клода Моне. А в Москве... Я всегда любил старую Москву — Арбат, а теперь еще люблю смотреть на Дом Музыки, особенно по вечерам.

— В ваш адрес за эти дни пришли тысячи самых красноречивых, искренних поздравлений и прекрасных пожеланий. А что вы сами себе желаете?

— Себе я желаю спокойствия и того, чтобы остался просветленным взгляд на мир.

Ахматова гениально заметила: «Молитесь на ночь, чтобы вам вдруг не проснуться знаменитым».

Люди в избытке чувств иногда даже не догадываются, что в галошах норвят к тебе в душу залезть

венно увидеть истину. А цель политики не всегда такова. Она в отличие от искусства часто стоит человеку жизни. Но власть обязана понимать, что искусство создает не только метафизическую красоту, но атмосферу добра в обществе. От искусства нация становится богаче. И власть должна способствовать искусству, в том числе помогая ему и материально, так как это в ее же интересах.

— А как вам президентствовало первый год в Доме Музыки?

маем над тем, как привлечь новую публику.

— Под бременем своих президентских обязанностей вы не боитесь превратиться в чиновника?

— Ну, какой же из меня чиновник. Будучи в Доме, я сутками репетирую и никакого непосредственного отношения к хозяйству не имею. Я отвечаю только за то, в чем разбираюсь. Мои обязанности в Доме Музыки, прежде всего, художественные, а ни какие-либо административные. Но обязанности есть обязанности. Они с детства начинают появляться по нарастающей, и их надо выполнять до конца жизни.

— От каких вещей в жизни вы ощущаете свою зависимость?

— Я все время боюсь, что не смогу обеспечить людей, с которыми работаю, достойной зарплатой. Для меня это вопрос чести, потому что нет ничего более унижительного для человека, чем вынужденная нищета.

— А «личное время» без музыки и связанных с ней вопросов у вас бывает?

— Как правило, последние годы я позволяю себе месяц или около месяца отпуска, чтобы побыть со своей семьей, что называется, не глядя на часы. Обычно это август. Правда, я все же не могу удержаться и несколько партитур беру с собой на отдых. Музыка так просто тебя не отпускает. Она всегда выворачивает наизнанку твою душу.

— И в чем же спасение?

— В книгах. Я люблю читать перед сном. «Мои» писатели — это Пруст, Борхес, Гессе. Очень люблю Гоголя. За его взгляд на Невский проспект и на жизнь в целом. Он видел правду будущего. Люблю читать пьесы Шекспира, Ануйя, Уильямса. У меня тут же в фантазии возникает свой театр — декорации, мизансцены, характеры...

— Почему же тогда вы лишь однажды решились сделать оперную постановку — «Пуритане» Беллини в Италии. И, несмотря на тогдашний успех, откладываете все «оперные» предложения?

— Да, меня не раз приглашали в разные оперные театры. Но до последнего времени я не испытывал такой душевной потребности. Хотя нельзя не признать, что я всегда любил работать с вокалистами и хорами. И сейчас у меня есть несколько идей на этот счет, одна из которых, возможно, будет воплощена уже в ближайшем будущем.

— Как получилась, что при всей своей безумной занятости вы успели дебютировать в

жен быть лидером, которого не страшатся, а уважают. В оркестре нужно уметь создать комфортную творческую обстановку, чтобы человек смог обрести в себе все то лучшее, что в нем есть. Я абсолютно убежден, что в каждом человеке гораздо больше хорошего, нежели негативного. Просто все зависит от того, к чему вы вызываете. Толпу мгновенно можно настроить как на разрушение, так и на созидание.

— И с рождением Националь-

добро

— А легко ли быть талантливым?

— Талант, как всякое явление, выходящее за рамки общепринятого представления, часто не встречает одобрения, а, наоборот, рождает протест. Талант — это твой крест на всю жизнь. Он требует бесконечного жертвоприношения. А более всего он любит лакомиться каторжным трудом, без которого он просто умирает. А все остальные испытания, я убежден, ему под силу.

— Сальеризм тоже?

— Да. Когда Моцарт волею Пушкина произносит сакраментальное: «Гений и злодейство — две вещи несовместны», пожалуй, я все-таки на стороне Моцарта. Но между гением и талантом есть ощутимая и часто не преодолимая дистанция.

— В вашей жизни сальеризма было много?

— И было, и есть. Если похвала друзей бывает двусмысленной, то зависти недоброжелателей можно верить. Завистники с каждым днем становятся все более циничными и даже откровенно жестокими. Я к этому привык. И знаю, что без этого нельзя обойтись. И в принципе меня уже ничего не удивляет. Просто у одного человека в душе больше Моцарта, у другого — Сальери. Хотя, я уверен, что мир такой огромный и многоликий, что места под солнцем хватит абсолютно всем, и дружба между музыкантами, естественно, возможна.

— А вам часто приходилось быть жертвой политической целесообразности в самых разных ее проявлениях?

— Конечно. Десять лет я не мог выехать на гастроли в Америку из-за войны в Афганистане. Девять

— Очень сложно. Часто приходится отклоняться от своего вектора и принимать людей, выслушивать их беды. Бывает очень огорчительно, когда я не могу помочь. Любое новое дело требует терпения и затраты огромных душевных и физических сил. Все задуманное в одночасье осуществить невозможно. Хотя человеку свойственно хотеть, чтобы желаемое реализовывалось мгновенно. Но главное уже свершилось — публика полюбила приходить в Дом Музыки. Но работы еще непочатый край.

— Что сегодня имеет первостепенную важность?

— Уже практически готов орган — самый большой в Европе, созданный немецкими мастерами. Он просто украсит Большой — Светлановский зал. В декабре состоится «инаугурация» органа, а в марте состоится международный органный фестиваль. И после этого мы уже будем думать, как работать над акустикой зала в дальнейшем. Те люди, что доброжелательно относятся к Московскому международному Дому Музыки, понимают, что это наш общий интерес. Поэтому уже сегодня на всякий случай ведутся переговоры с крупнейшими фирмами для проведения независимой акустической экспертизы зала. Надеюсь, что в итоге нам все-таки удастся довести акустику Большого — Светлановского зала, если не до совершенной, то до очень хорошей.

Помимо этого в Доме Музыки состоится около двух сотен разнообразных абонементных и вне абонементных концертов, а так же монографический фестиваль, посвященный музыке Брамса. Мы продолжаем серию вечеров

Маэстро и его Муза: Владимир и Сати Спиваковы